

ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ – МНИМЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ РАСКОЛЫ

CONTRADICTIONS IN RUSSIAN POLITICAL CULTURE – IMAGINARY AND OBJECTIVE SPLITS

*С. В. Бирюков,
Восточно-Китайский
педагогический университет,
г. Шанхай
birs.07@mail.ru*

*S. Biryukov,
East China Pedagogical
University, Shanghai*

*О. В. Омеличкин,
Кемеровский
государственный
университет,
г. Кемерово*

*O. Omelichkin,
Kemerovo State University,
Kemerovo*

Отправной идеей исследования является представление об амбивалентности политической культуры России. На протяжении всей истории она была неоднородной и поляризованной. При этом государство принудительным образом обеспечивало единство российского общества. Рассмотрены основные противоречия, присущие современной российской политической культуре. Выявлено, что, несмотря на идеологические и геополитические претензии, в обществе по существу отсутствуют глубокая цивилизационная рефлексия и размышления о будущем. Авторы разделяют мнение, согласно которому на смену относительной консолидации и консенсусу последних десятилетий приходит ценностный дисбаланс и запрос на перемены. В этой связи актуализируется вопрос о соотношении индивидуализма и коллективистских начал. Показано, что в основе этого противопоставления лежит действительный социокультурный раскол российского общества на группу городского среднего класса («прогрессоров») и сторонников традиционных ценностей и идентичности. Сделан вывод о необходимости поиска минимального набора общих политических ценностей, обеспечивающих устойчивый институциональный порядок и модернизацию страны

Ключевые слова: Россия; общество; государство; политическая культура; противоречия; порядок; раскол; средний класс; модернизация; традиционализм

The fundamental message of the study is the idea of the ambivalent nature of the political culture in Russia. Throughout its history, it has been heterogeneous and highly polarized. At the same time, the state managed to enforce the unity of the Russian society. The article focuses on the main contradictions inherent to Russia's present-day political culture. It is revealed that, despite the ideological and geopolitical claims, there is actually neither profound civilizational reflection nor serious reflections on the future in society. The authors share the opinion that a relative consolidation and consensus of the recent decades is being replaced by a value imbalance and a demand for change. In this regard, the question of correlation of individualism and collectivist principles is of a paramount importance. It is shown that the nature of this opposition roots back to the actual socio-cultural split of the Russian society into a group of urban middle class ("progressors") and those who support traditional values and identity. It is concluded that it is necessary to search for a minimum set of common political values which can ensure a sustainable institutional order and modernization of the country

Key words: Russia; society; state; political culture; contradictions; order; split; middle class; modernization; traditionalism

Введение. Современная ситуация — завершение очередного большого избирательного цикла — позволяет если и не говорить о некоей «развилке», то по меньшей мере дает повод задуматься о дальнейшем пути движения России. Сложность ситуации заключается в том, что своеобразный политический гомеостаз и внешняя монолитность российского политикума сочетаются с сохранением целого «клубка» внутренних противоречий, которые довольно хорошо известны.

Состояние культурной среды в современной России, по мнению Ю. А. Красина, всё больше деградирует. Это объясняется тем, что исторически алгоритмом становления и развития политической культуры выступает конфронтация: расколы, противостояния, идеологическая нетерпимость. Это запечатлелось в исторической памяти народа, вошло в генетический код российского общества [7. С. 39]. Изучение данных проблем составляет важную научную задачу.

Методология и методика исследования. Отправной идеей данного исследования является представление об амбивалентности российской политической культуры. Еще Н. А. Бердяев отмечал, что русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Ученый писал о том, что в российской культуре всегда существовало «внешнее принудительное единство, но внутреннего единства не было, была внутренняя разорванность. Разорваны были власть и народ, народ и интеллигенция» и т. д. [3. С. 13–14]. Он писал, что народ наш неоднороден и содержит в себе глубокие противоречия: «Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфлик-

том инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия» [Там же. С. 15].

Подобную противоречивость российского народа и его политической культуры отмечают и многие зарубежные исследователи [14; 15].

Основные методы данного исследования направлены на рассмотрение противоречий российской культуры в динамике и в соотношении с опытом политической истории, современным политическим процессом и актуальной политической реальностью, с интересами тех или иных политических акторов. Социально-философский метод акцентирует социальную обусловленность тех или иных культурных ценностей и установок, рассматривая мировоззренческие ориентации как превращенную форму социального бытия. Контекстуальный анализ делает акцент на общественно-политический контекст, в рамках которого формируются определенные ценностно-нормативные установки членов общества и различных групп. Наконец, дискурсивный метод исследует те или иные устойчивые стереотипы национального политического сознания как составную часть политического дискурса, как важный функциональный элемент, необходимый для воспроизводства публичной политики и усиления ее основных трендов. Одна из главных задач дискурсивного анализа — изучение политического контента, воспроизводимого и транслируемого определенными политическими акторами, исходя из их ценностей и интересов.

Результаты исследования. Что же представляет собой Россия, если рассматривать ее в статике? Приверженец структурализма по М. Фуко, попытавшийся обнаружить в России некие скрытые системообразующие структуры, был бы весьма удивлен многочисленными внутренними противоречиями весьма сложной и мощной конструкции. Прежде всего — страна, претендующая на цивилизационное своеобразие (и даже самодостаточность), но пока обходящаяся без глубокой цивилизационной рефлексии, без размышления о

себе и о своем месте в мире. Современная Россия, периодически заявляющая о своем цивилизационном («страна-полукровка») и геополитическом одиночестве («остров Россия»), пока не пытается сделать творческие выводы из этого состояния, которые предполагали бы более глубокое понимание ею собственных слабостей и возможностей. Как результат — поиск сбалансированной стратегии в ответ на множасьщиеся вызовы весьма затруднен. Метафорой «месторазвития», равно как и разговорами о «нормальной среднестатистической европейской стране», обойтись не получится.

Россия — это также страна, апеллирующая к православию как к духовной основе своей идентичности, но при этом практикующая (воспроизводящая) специфический вариант секулярно-синкретической культуры (где находится место всему — от элементов церковной традиции до нетрадиционной медицины и увлечения гороскопами), которой привержено значительное число россиян.

Современная Россия не является в полном смысле империей, но страной с элементами имперской структуры, однако без ясно сформулированной имперской миссии и стратегии. В то же время периодически заявляемые претензии на имперское наследие (без уточнения, в чем именно состоит последнее) вызывают раздражение у тех, кто некогда был зависимой частью единого имперского пространства, приводят к концентрации «имиджевого негатива» в отношении России. При этом собственно неимперские модели и формы консолидации постсоветского пространства обсуждаются недостаточно, что дает дополнительные возможности противникам и критикам России в деле пропаганды.

В то же время Россия — не национальное государство в смысле опоры на давшую ее историческое имя этнополитическую нацию (в отличие от остальных постсоветских государств), но самостоятельное государство с некоторыми атрибутами политической нации (начиная со знаменитого «дорогие россияне»), отражающимися преимущественно в официальной политической риторике.

Кроме того, современная Россия — это конституционная республика без глубокой традиции республиканизма (республики как «общего дела» в понимании Цицерона), но живущая в условиях все еще глубокой деполитизации. Чувство политической сопричастности к национальным символам и ценностям у россиян присутствует, но не выражено столь явно и активно, как у давно сложившихся политических наций.

Россия — это страна, которая в ситуации нового издания «холодной войны» нередко позиционирует себя в качестве «защищающейся крепости». Однако при этом обходится без сколько-нибудь последовательной внутренней мобилизации, предпочитая сохранять известную морально-психологическую аморфность, доставшуюся в наследство от «сытых и спокойных» 2000-х гг. Пути трансформации этого состояния никак не прояснены.

Мы имеем страну, претендующую на лидерство на постсоветском пространстве, но отказавшуюся от последовательного внутреннего проекта социально-экономической модернизации, способного привлечь на ее сторону другие постсоветские общества. В результате возникает ситуация, когда народы постсоветских стран начинают тяготеть к другим центрам развития (при всей неоднозначности этого выбора с точки зрения его возможных последствий).

Помимо этого, оставаясь функционально и по факту идеологическим государством, Россия не отказалась полностью от деидеологизации 1990–2000-х гг., оставаясь в некотором промежуточном состоянии. При этом общественная идеология, которая бы являлась продуктом диалога между обществом и государством об общих ценностях, в России отсутствует.

В результате, Россия — это страна без фундаментального политического проекта (с которым не следует отождествлять взятые на вооружение общие программы развития). «Белый» и «красный» проекты потерпели ранее свое историческое поражение, но «третьего проекта» как такового нет, и фактически не закончена «гражданская война» в рамках идеологического

дискурса. Существование столь сложной страны, отстаивающей статус мировой державы без долгосрочного проекта развития, также вызывает вопросы. Приверженцы проигравших ранее проектов упорно апеллируют к невозможным в ближайшем будущем общественно-политическим укладам — не затрудняют ли они для россиян поиск модели и образа возможного будущего?

В то же время российские славянофильство и западничество (даже в их обновленных формах) оставляют сомнения относительно их применимости для познания и приспособления к изменяющемуся миру. Конструктивного синтеза их положений в отечественной мысли (с одновременным отказом от присущих им же крайностей) так и не произошло. В итоге значительные интеллектуальные силы до сих пор затрачиваются на дискуссии, не приносящие сколько-нибудь значимого результата.

В геополитической сфере Россия активно продвигают идеи евразийства («Большой Евразии»), не учитывая изменившегося внешнеполитического контекста и не адаптируя эти идеи сообразно потребностям момента, в то время как становятся очевидными глубокие изменения, происходящие на наших глазах в мусульманском мире (включая сюда и некоторые бывшие республики СССР), а также трансформации политического самосознания и идентичности в постсоветских странах, которые традиционно ориентированы на приоритетное развитие отношений именно с Россией. Апеллировать в подобной ситуации к неким неизменным евразийским постулатам (без их творческого переосмысления) представляется не слишком продуктивным занятием.

Что же происходит в России в культурной сфере? Л. Бызов фиксирует процесс перехода «эпохи Путина» от стадии консолидации на основании общественного консенсуса начала «нулевых» к нынешнему ценностному дисбалансу, возникшему в 2012–2014 гг. и длящемуся по сей день. Хотя данное состояние общества не может быть однозначно интерпретировано как раскол, ценностные противоречия нарастают. Идея сильного государства отдана на

откуп наименее модернизированным слоям населения, а в актуальном государстве нарастает разочарование со стороны всех слоев общества. Все сильнее проявляющийся запрос на перемены пока не обрел политического выражения, что делает неизбежный транзит эпох крайне рискованным для страны и общества [4].

Состояние общественного сознания России, по мнению исследователя, вступило в фазу высокой турбулентности, когда одновременно действуют несколько разнонаправленных тенденций. Первая из них состоит в медленном, постепенном нарастании чувства усталости от власти и недовольства работой государственных и политических институтов страны. Однако эта тенденция плавного снижения поломана весной 2014 г. вступившей в силу второй важнейшей тенденцией — долгосрочной мобилизации российского общества вокруг внешнеполитического курса президента страны и стоящей за этим курсом идеи «русского мира», сразу нашедшей среди россиян множество сторонников. Ощущение «осажденной крепости», «кольца врагов», пытающихся задушить Россию санкциями, усиливало поддержку власти, так как переключало внимание с внутривнутриполитической повестки, где дела шли далеко не столь успешно, на внешнеполитическую. Сейчас в силу вступила третья тенденция, связанная с резким недовольством россиян социальным курсом власти. Наибольшие имиджевые потери при этом понесли правительство и партия «Единая Россия» [Там же].

В этой связи В. Цымбурский представил механизм «социального взрыва», который может быть увязан с «ростками гражданско-городского движения». В соответствии с этим происходящий «откат» в новую сословность («закрытие» элиты и социальные лифты) теоретически мог бы вызвать новую городскую революцию и радикальную трансформацию общественно-политического сознания. В то же время, как полагает ученый, российское протобюргерство, под влиянием либеральной пропаганды ожидавшее после периода «радикальных реформ» наступления «нормальной жизни»,

в итоге увидело в этих временах «век падения и плена» и поэтому не ощущает за собой никакой героической освободительной миссии [13].

Заявленное В. Цымбурским понимание природы «левой модернизации» в России выводит на более широкий круг вопросов — о возможности «бюргерской» городской культуры европейского типа в России, о причинах ее слабости и раз за разом повторяющегося крушения, наконец, о тех культурных и психологических типах, которые могли бы стать основой для формирования демократической культуры и политики. Революция 1917 г. и связанная с ней Гражданская война запустили процесс разрушения (в значительной степени — саморазрушения) той модели гражданского общества, которая начала формироваться в результате реформ конца XIX — начала XX вв. Последующие кратковременные периоды относительной либерализации и эволюционного развития приводили к некоторому усилению гражданско-индивидуалистического начала, однако регенерация гражданского общества «в полном объеме» в России в итоге так и не произошла. Реформы 1990-х гг., скорее являвшиеся разновидностью «холодной гражданской войны», не привели тем не менее к торжеству классического западного индивидуализма и «бюргерского» начала в России.

Но возможно ли торжество индивидуализма западного типа (с известными правовыми и культурными ограничениями и регуляторами) в России в принципе? Современный разброс мнений по вопросу об индивидуалистической либо коллективистской природе России достаточно широк.

По мнению многих ученых, Россия — недостаточно индивидуалистическая страна, надеющаяся на «добраго царя», что не позволяет ей обустроить свою жизнь «снизу вверх», поскольку главной чертой русских является соборность, заключающаяся в приоритете общих, коллективных интересов и целей над личными [5]. Существуют и попытки примирить данные тенденции. Как считает ряд исследователей, для русского мировоззрения характерен коллекти-

визм, понимаемый исключительно как способность людей сообща выполнять важную работу, объединяться ради достижения поставленной цели. Но он не подразумевает подавления личности, а только требует отказа от действий, способных нанести вред обществу. Растущий индивидуализм россиян они объясняют временными обстоятельствами [6. С. 474].

Наоборот, А. Д. Палкин считает, что россияне давно сделали выбор в пользу индивидуализма западного типа [8]. Многие социологи отмечают, что в последние десятилетия ориентация на ценности индивидуализма становится преобладающей. При этом они полагают, что данная тенденция — естественная реакция людей, столкнувшихся в 1990-е гг. с тяжелыми проблемами выживания, не позволяющими им объединиться и бороться за общее благо. А. С. Ахиезер считает отечественную несостоятельность «бюргерского» социального типа следствием обнаруженной им раздвоенности русской культуры, которая принимает форму так называемого «нелиберального индивидуализма» — готовности и способности реализовать индивидуальные интересы без одновременной готовности к выработке конвенциональных норм и общепринятых правил игры (того, что принято называть универсальными регуляторами) [1].

Но целесообразно ли противопоставлять коллективное индивидуальному в нашем особом российском случае? По глубокому убеждению авторов, главная проблема российского политического бытия все же состоит не в манихейской раздвоенности, пронизывающей все уровни культурной и социальной жизни (традиционная русская — крестьянская в своей основе — имела весьма упорядоченный и иерархический характер, но подвергалась эрозии в ситуации масштабных социальных изменений в течение нескольких веков). Дело в другом — в наличии в современной российской действительности особой формы социально-культурного и идеологического раскола, который предполагает разделение россиян на две значительные (и значимые) группы и сознательно купируется государственной властью.

Так, в России существует значительный слой людей, принадлежащих к городскому среднему классу (знаменитая «Россия 26 мегаполисов»), способных артикулировать свои интересы и готовых их отстаивать, но не признающих в качестве значимой ценности «общее благо» и какую-либо версию «общих ценностей». Любой разговор об «общих ценностях» блокируется у представителей этой социальной группы опасениями «нового социализма», экспроприаций и усиления прессинга со стороны государства. Сторонники условных «общих ценностей», поклонники советского периода и его достижений рассматриваются представителями этого слоя как «ватники» (т. е. носители архаической, контрмодернизационной ментальности) и потенциальная угроза собственным интересам. По своей сути, российские городские «прогрессоры» — не оформивший (и не закрепивший) до конца свой статус креативный класс, которому, по его собственному убеждению, критически не хватает социального пространства для самореализации (возможно ли это в принципе в условиях существующей социально-экономической модели, ситуации закрытых «социальных лифтов», остается без ответа). Вместе с тем политическая субъектность этого социального слоя, очевидно, недостаточна для превращения его во влиятельного актора.

Вторая значительная группа российского общества — сторонники «общих ценностей» и коллективной идентичности, апеллирующие к дореволюционному традиционному (патерналистскому) либо к советскому укладу (к совместным достижениям и патерналистским элементам). Сторонники этой ценностной позиции видят (или хотели бы видеть) в Российском государстве своего последовательного «защитника» и гаранта «общего блага», но имеют все больше оснований разочаровываться — поскольку официально используемая неосоветская риторика сопровождается вполне либеральной по своему характеру социально-экономической политикой российского правительства. Вместе с тем, как полагают исследователи, отчуждение сторонников

ценностей в политике от государства как института чревато нарушением существующей стабильности.

Подобный купированный раскол превращается в изолированное существование двух этих больших групп в социальном пространстве России. Последнее может рассматриваться как особый российский вариант «блокированного общества», когда в рамках одной страны фактически сосуществуют два социума, члены которых не имеют полноценной коммуникации по вопросам «новостки дня» и проекта общего будущего. Подобная ситуация представляется дисфункциональной и социально опасной.

Помимо того, что сохранение (пусть и в смягченном виде) этого раскола закрывает для страны модернизационную перспективу, оно не позволяет достичь минимально необходимого консенсуса даже для текущих политических дел. Российская власть стремится стоять над линиями этого раскола, получая от этого определенные политические дивиденды — посредством политического лавирования и предложения себя в качестве арбитра. Однако обеспечиваемая таким образом с начала 2000-х гг. стабильность начинает исчерпывать себя, поскольку работающая в этом режиме власть не нуждается в консолидации и мобилизации общества в ответ на множющиеся внутренние и внешние вызовы и не способна решить две обозначенных выше задачи. В то же время доводить ситуацию до взаимного противопоставления развития и стабильности, очевидно, не стоит, поскольку в итоге можно потерять и то, и другое.

Специалисты выделяют и другие альтернативные типы политического сознания в России. По мнению Л. И. Бениной, в политической культуре нашего общества сосуществуют, почти не перемешиваясь, но конфликтуя между собой и пытаясь доминировать, несколько чуждых друг другу субкультур. Самая древняя из них — архаическая крестьянская ветвь российской политической культуры, основанная на ценностях общинности, консерватизма и православия. Вторая субкультура характеризуется идеями политического радика-

лизма, анархо-синдикализма, революционного бунтарства, свойственными части российской интеллигенции. Третью ветвь отличает присущий бюрократии прагматичный рационализм, приверженность либерально-демократическим ценностям. Четвертая субкультура основана на глубоко укоренившихся в общественном сознании за годы советской власти социалистических ценностях, приверженности трудящихся идеям социального равенства и социальной справедливости [2. С. 125].

Попытку эмпирически зафиксировать гражданский срез общественного сознания предприняли Е. С. Петренко, Е. Г. Галицкая, Е. Б. Галицкий [9]. Опираясь на опросы 2009–2011 гг., они выделили пять типов мировоззренческих синдромов — *гражданский*, *обывательский*, *патерналистский*, *индивидуалистический*, *депривированный*. Гражданский синдром отличается оптимальным соотношением ориентаций на солидарность, доверие и ответственность в сознании и поведении граждан. Гражданский срез сознания невысок и представлен в целом 10 % населения. Он широко распространен в практике нового среднего класса. Как правило, это представители деловых слоёв крупных городов и мегаполисов. Им не больше 45 лет, они заняты на должностях руководителей и специалистов. Материальная обеспеченность семьи — выше среднего. Пользуются в своей жизни практически всеми благами цивилизации (поездки за границу, интернет, знание иностранных языков). Соответственно, *патерналистский тип* (солидарность, отсутствие ответственности и активности) составлял на тот период примерно 7 %. *Обывательский тип* (отсутствие солидарности и ответственности, но выраженная активность) снизился до 20 %; *индивидуалистический* (отсутствие солидарности, но выраженная ответственность, активность) возрос до 17 %; *депривированный* (отсутствие и солидарности, и ответственности, и активности) стал более выраженным — до 35 % [10]. События, связанные с массовыми акциями протеста в 2011–2012 гг., подтвердили активную

роль городского среднего класса в российской политике. Представители среднего класса (особенно молодое поколение) были не удовлетворены внутривнутриполитическим курсом страны и требовали новых институциональных возможностей для своего развития и самореализации. Однако этот класс в настоящее время, по сути, не имеет серьезной политической базы и организации (представительства).

При этом основная часть российского общества остается вполне лояльной к власти. Выражаемая ею критика носит, скорее, социально-экономический характер и не содержит политических требований. Эти граждане поддерживают власти и существующий порядок, обеспечивают высокий рейтинг президенту страны, но при этом ждут от администрации действий, позволяющих решить их жизненные проблемы. Проводившиеся у нас социологические опросы показали, что примерно две трети россиян придерживаются консервативных политических взглядов различного толка. Их приоритетом являются порядок, стабильность, патриотизм, державность. Не последнюю роль здесь играет привычка, стремление к безопасности.

Группа либерально настроенных граждан относительно немногочисленна. Они выступают за радикальные реформы, свободу, открытость миру. Их влияние распространяется в основном на городскую интеллигенцию и осуществляется через некоторые каналы СМИ. Есть и относительно небольшая националистическая группа людей, видящих врагов и источник всех бед в силах, находящихся в основном за пределами страны. При этом до половины населения вообще не считает себя участником определенного идейно-политического движения или выступает за их синтез.

Заключение. Каков же выход из этой ситуации, которая, с одной стороны, является результатом «незавершенного выхода» из ситуации 1990-х, а с другой — составной частью актуальной политической стратегии? На наш взгляд, он состоит в том, чтобы отечественным «прогрессорам» и ориентирующимся на них социальным группам

понять, что без минимальных общих ценностей, разделяемых большинством россиян, не будет никакого устойчивого институционального порядка.

В свою очередь, для сторонников «политики неизменных ценностей» представляется желательным осознать, что приверженность действительно жизнеспособным ценностям требует постоянной рефлексии, а отрыв декларируемых ими принципов от политической реальности ведет к их все большей маргинализации в изменяющихся общественных условиях. Особенно в ситуации, когда ясно, что пропагандируемого некоторыми идеологами СССР 2.0 не будет и советские достижения для молодого поколения не являются столь бесспорной величиной.

Для Российского государства и его политического кризиса настало время строить, наконец, политический и идеологический «мост» вместо лавирования и игры в идеологическую «поливалентность». Без этого невозможно говорить ни о какой полноценной государственной политике в интересах «здорового большинства». В противном случае управлять Россией как «большим и сложным обществом» будет все труднее.

Каков же уровень единства российского общества? В ноябре 2017 г. исследование ВЦИОМ дало следующие результаты. Мнение, что в России есть национальное единство, поддержали 54 % респондентов (в 2012 г. таковых было всего 23 %). Отрицали его 40 % (в 2012 г. — 56 %); 6 % затруднились ответить (в 2012 г. — 21 %). Как видим, положительная динамика налицо. Основные причины данного единства граждане видят в способности наций мирно уживаться между собой, в особенностях российского менталитета и культуры, в необходимости объединяться в трудные периоды и т. д. Причинами отсутствия народного единства люди считают распространившийся эгоизм, когда каждый думает только о себе, нищету народа и огромный разрыв между богатыми и бедными, многонациональный состав российского общества и т. п. [12].

Очевидно, что достигнутое политическое единство носит неустойчивый характер. Ситуация может стремительно измениться, и общество вновь окажется расколотым. По каким линиям пройдет этот раскол, можно только предполагать. Это могут быть и социальные конфликты, и политическое противостояние различных сил. Но в любом случае достигнутое равновесие последних десятилетий не может длиться бесконечно. Неудовлетворенность сложившимся положением дел присуща всем активным группам. В этих условиях любые непродуманные мобилизационные призывы и действия содержат значительные риски.

Что же означает перечисленное с точки зрения возможного российского будущего? Не преодолев внутренних антиномий, невозможно выйти на уровень стратегического планирования (тех самых стратегем), без чего трудно проводить сколько-нибудь последовательную политическую линию внутри страны и за ее пределами.

Однако возможно ли и далее не прилагать усилий по рациональному обустройству на фоне существующих рисков и вызовов? И если нельзя — на базе какой идеи или проекта вести дальнейшее обустройство дел? Бездействие в подобном случае представляется весьма непродуктивным: у одних в подобном случае возникает сильный соблазн вообще ничего не делать, у других — изменить все слишком радикально. Нечто подобное имело место незадолго до Октября 1917 г. и накануне распада Советского Союза. Повторение подобного сценария представляется крайне нежелательным, в то время как творчески-консервативный ответ на существующие проблемы и вызовы российского общества, его элиты и государства, вовлеченных в общий проект развития, видится наилучшим разрешением ситуации, поскольку лимит на катастрофические варианты развития страна действительно уже исчерпала.

Однако существуют и оптимистические прогнозы. Так, Ю. А. Красин считает: «Несмотря на гетерогенность и даже антиномичность интересов и воззрений,

гражданское общество как носитель самодеятельного начала в социуме таит в себе неисчерпаемые ресурсы общегуманистической солидарности — краеугольного камня гражданского фундамента “исторических компромиссов”, способных сохранить и оформить целостное единство...» [7. С. 54]. В то же время очевидно, что конструктивное урегулирование описанных противоречий возможно лишь средствами целенаправленной социокультурной политики

Российского государства. Россия нуждается в общественной идеологии консенсусного типа, предполагающей содержательное разрешение конфликтов и сотрудничество сторон. На взгляд авторов, только в этом случае Россия приобретет устойчивую перспективу качественного эволюционного развития. Созидательный потенциал российского общества дает основания для подобных надежд.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. М.: Новый хронограф, 2008. 938 с.
2. Бенина Л. И. Четыре пласта российской политической культуры: истоки формирования // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2013. № 4. С. 124–128.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
4. Бызов Л. Путинская эпоха: от восхода к закату [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.proza.ru/2018/10/25/1027?fbclid=IwAR0rTan_k6-bBn36aVuJtQv8bzuZ (дата обращения: 22.11.2018).
5. Выюнов Ю. А. Концепт «русская соборность» как социокультурный феномен // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2018. № 1. С. 446–458.
6. Гайдукова О. В., Маркина Н. А. Индивидуализм и коллективизм в сознании русских и европейцев // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: XIX Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 470–475.
7. Красин Ю. А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник института социологии. 2015. № 1. С. 35–59.
8. Палкин А. Д. Индивидуализм и коллективизм как значимые элементы лингвокультуры // Вестник Московской международной академии. 2017. № 1–2. С. 198–205.
9. Петренко Е. С., Галицкая Е. Г., Галицкий Е. Б. Диагностика гражданского климата российских регионов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2011/04/11/1210529570/Петренко.pdf> (дата обращения: 07.10.2018).
10. Петренко Е. С., Галицкий Е. Б., Галицкая Е. Г. Потребительские стратегии российских граждан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.publications.hse.ru/chapters/92271410> (дата обращения: 17.10.2018).
11. Романова П. П., Лекощева К. В. Трансграничный регион: эволюция теоретико-методологических подходов // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2013. № 6. С. 95–105.
12. Россияне о единстве нации [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3507. Режим доступа: <https://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=4354> (дата обращения: 22.11.2018).
13. Цымбурский В. «Городская революция» и будущее идеологий в России. Цивилизационный смысл русского большевизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.org/books/rythm_ros_2.htm (дата обращения: 27.11.2018).
14. Rose R., Mishler W., Munro N. Popular support for an undemocratic regime: the changing views of Russians. New York; Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 206 p.
15. Sakwa R. Russian politics and society. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2008. 585 p.

References

1. Akhiezer A. S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: sotsiokulturnaya dinamika Rossii* (Russia: Critique of historical experience: socio-cultural dynamics of Russia). Moscow: New chronograph, 2008. 938 p.
2. Benina L. I. *Vestnik Bashkirskogo instituta sotsialnyh tehnologiy* (Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies), 2013, no. 4, pp. 124–128.
3. Berdyayev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* (The origins and meaning of Russian communism). Moscow: Science, 1990. 224 p.
4. Byzov L. *Putinskaya epoha: ot voskhoda k zakatu* (Putin era: from dawn to dusk). Available at: https://www.proza.ru/2018/10/25/1027?fbclid=IwAR0rTan_k6-bBn36aVuJtQv8bzuZ (Date of access: 22.11.2018).

5. Vyunov Yu. A. *Russkiy yazyk i kultura v zerkale perevoda* (Russian language and culture in the mirror of translation), 2018, no. 1, pp. 446–458.
6. Gaydukova O. V., Markina N. A. *Slavyanskaya kultura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie: XIX Kirillo-Mefodievskie chteniya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf* (Slavic culture: sources, traditions, interaction: XIX Kirill and Mefody Readings: materials of the Intern. scientific-practical conf.). Moscow, 2018, pp. 470–475.
7. Krasin Yu. A. *Vestnik instituta sotsiologii* (Bulletin of the Institute of Sociology), 2015, no 1, pp. 35–59.
8. Palkin A. D. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii* (Bulletin of the Moscow International Academy), 2017, no. 1–2, pp. 198–205.
9. Petrenko E. S., Galitskaya E. G., Galitsky E. B. *Diagnostika grazhdanskogo klimata rossiyskikh regionov* (Diagnostics of the civil climate of the Russian regions). Available at: <http://www.hse.ru/data/2011/04/11/1210529570/Petrenko.pdf> (Date of access: 07.10.2018).
10. Petrenko E. S., Galitsky E. B., Galitskaya E. G. *Potrebitelskie strategii rossiyskikh grazhdan* (Consumer strategies of Russian citizens). Available at: <http://www.publications.hse.ru/chapters/92271410> (Date of access: 17.10.2018).
11. Romanova N. P., Lekontseva K. V. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), 2013, no. 6, pp. 95–105.
12. *Rossiyanе o edinstve natsii* (Russians on the unity of the nation); VTsIOM. Press release № 3507. Available at: <https://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=4354> (Date of access: 22.11.2018).
13. Tsymbursky V. “*Gorodskaya revolyutsiya*” i budushchee ideologii v Rossii. *Tsivilizatsionny smysl russkogo bolshevizma* (“Urban Revolution” and the Future of Ideologies in Russia. The civilizational meaning of Russian Bolshevism). Available at: http://www.intelros.org/books/rythm_ros_2.htm (Date of access: 27.11.2018).
14. Rose R., Mishler W., Munro N. *Popular support for an undemocratic regime: the changing views of Russians* (Popular support for an undemocratic regime: the changing views of Russians). New York; Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 206 p.
15. Sakwa R. *Russian politics and society* (Russian politics and society). London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2008. 585 p.

Коротко об авторах

Бирюков Сергей Владимирович, д-р полит. наук, профессор, научный сотрудник, Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет, г. Шанхай, КНР. Область научных интересов: геополитика, международные отношения, государственная политика и управление, политическая регионалистика, этнополитика, история политических учений и идей
birs.07@mail.ru

Омеличкин Олег Викторович, д-р полит. наук, профессор кафедры философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия. Область научных интересов: теория политики, политическая культура, политическая этика, политическая социализация, теория демократии
omelichkin.ov@mail.ru

Briefly about the authors

Sergey Biryukov, doctor of political sciences, professor, research associate, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China. Sphere of scientific interests: geopolitics, international relations, public policy and management, political regionalism, Ethnopolitics, history of political doctrines and ideas

Oleg Omelichkin, doctor of political sciences, professor, Philosophy and Social Sciences department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. Sphere of scientific interests: theory of politics, political culture, political ethics, political socialization, theory of democracy

Образец цитирования

Бирюков С. В., Омеличкин О. В. Противоречия российской политической культуры – мнимые и реальные расколы // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2019. Т. 25. № 3. С. 38–47. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-3-38-47.

Biryukov S., Omelichkin O. Contradictions in Russian political culture – imaginary and objective splits // Transbaikal State University Journal, 2019, vol. 25, no. 3, pp. 38–47. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-3-38-47.

Статья поступила в редакцию: 28.12.2018 г.
Статья принята к публикации: 26.02.2019 г.